

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ ПСКОВСКИХ
ГОВОРОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО
СЛОВАРЯ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ»)***

Аннотация. В статье анализируются единицы двух лексических систем: лексической системы современных псковских говоров и лексической системы псковских памятников письменности XIV–XVIII в., представленные в «Псковском областном словаре с историческими данными»; выявляются особенности их функционирования; делаются наблюдения о динамических процессах в псковских говорах.

Ключевые слова: лексикология, диалектология, диалектная лексикография, Псковский областной словарь с историческими данными.

Одна из задач «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС) — описание системных связей слов: как внутренних системных связей псковских говоров, так и соотношения с другими системами — с системой литературного языка, а также, насколько возможно, и с лексической системой литературно-письменных памятников Средневековья. В «Псковском областном словаре» не просто показана историческая перспектива развития словаря народной речи: в нем последовательно сопоставляются две лексические системы: лексическая система современных псковских говоров и лексическая система псковских памятников письменности XIV–XVIII в. Возможность сопоставления двух разновременных лексических систем в ПОС определяется тем, что в историческом отделе

*Статья подготовлена при поддержке гранта СПбГУ «Региональные формы русского языка в исторической перспективе», 31.38.291.2014.

ПОС используются все принятые в современной части приемы анализа значений слов и семантических оттенков, а также типы определения значений: значение, оттенок и употребление. На материалах ПОС и его Картотеки¹ проследим особенности функционирования слов в псковских средневековых памятниках письменности и в современных говорах, и, как бы заглядывая в прошлое языка, попытаемся увидеть в нем будущее псковских говоров.

Исследователи сегодня пишут о «размывании», исчезновении старых диалектов, постепенной замене их литературным языком в его народно-разговорном варианте или более широкими региональными формами². «В современной социолингвистике все чаще говорят... о видоизменении форм пространственного варьирования языка, приводящем к появлению промежуточных идиомов. Новые формы бытования диалекта называют полудиалектами (Halbmundart — термин германской школы диалектологов) или региолектами (régiolecte — термин романской школы диалектологов)»³. Однако, на наш взгляд, изменение лексики диалектов имеет несколько другую направленность: исчезают региональные слова (особенно предметная лексика, утратившая актуальность), но при этом те слова, которые, по словам Б. А. Ларина, относятся к древне-му общерусскому словарному фонду и большинство из которых со-

¹Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете СПбГУ.

²См.: *Бородина М. А.* Диалекты или региональные языки? // *Вопр. языкознания.* 1982. № 5. С. 29–38; *Трубинский В. И.* Современные русские региолекты: приметы становления // *Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр.* Псков, 1991. С. 156–162; *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001; *Герд А. С.* Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // *Русский язык сегодня.* Вып. 1. М., 2001. С. 45–52; *Беликов В. И.* Сравнение Петербурга с Москвой и другие сообщения по социальной лексикографии // *Русский язык сегодня.* Вып. 3. Сб. ст. / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2004. С. 23–38; *Ерофеева Е. В.* Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005; *Грузберг Л. А.* Региолект // *Филолог.* 2010. № 11.

³*Хорошева Н. В.* Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // *Вестник Пермского университета.* 2011. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (15). С. 32.

хранились в широком употреблении со времен Средневековья⁴, сохраняют устойчивость. Именно такие слова, которые представлены в ПОС и современными, и историческими материалами, составляют «древнейшее ядро словаря русского языка в его устно-разговорных разновидностях и литературно-письменной традиции»⁵. Зачастую они входят и в состав литературного языка, однако употребление их на исследуемой территории — территории исторического бытования псковских говоров — имеет свои особенности. Именно такой пласт слов имел в виду Ф. П. Филин, когда писал о том, что «в речи широких народных масс господствовала общенародная основа, без которой не было бы великорусского языка» и «многие теперь литературные слова были когда-то локальными, и наоборот, современные диалектизмы имели общерусское распространение»⁶.

Особенности функционирования литературных и диалектных слов в исторической перспективе становятся заметными при наблюдении над синонимичными и семантически тождественными лексемами. Возьмем для анализа группу лексем с семантикой отрицания, означающих отсутствие какого-либо свойства или качества, а в ней — прилагательные с актуальным для народной речи значением ‘не имеющий за собой вины, невиновный’. В современных псковских говорах это значение реализуется в прилагательных **невинный** (ПОС, вып. 21, с. 43), **невиновáтый** (ПОС, вып. 21, с. 43), **неповинный** (ПОС, вып. 21, с. 187), **безв́инный** (ПОС, вып. 1, с. 149), исторические памятники включают прилагательные **невинный** (ПОС, вып. 21, с. 43) и **неповинный** (ПОС, вып. 21, с. 187). Из этого ряда наиболее употребительно **неповинный** — это прилагательное имеет два значения в современных говорах: ‘невиновный’ и ‘о девушке: сохранившая девственность до бра-

⁴Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря // Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 673.

⁵Мжельская О. С. Псковский областной словарь с историческими данными и историческая лексикография // Псковские говоры: Псковский областной словарь с историческими данными и актуальные проблемы региональной лексикографии. Псков: ПГПИ, 2001. С. 139.

⁶Филин Ф. П. О свойствах и границах литературного языка // Вопросы языкознания. 1975. № 6. (см. тж. Филин Ф. П. О словарном составе языка великорусского народа // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 18–28).

ка'; зафиксировано в составе устойчивого сочетания **непови́нная душа́** 'о невинном человеке': *Я непови́нная душа́, — Маруся гъварит, — зацём ты хочишь мне фтарой рас атамститъ?*, а также употребляется в значении существительного: *Непови́нных жгли дъ расстреливэли* (ПОС, вып. 21, с. 187). Историческая часть словарной статьи на **непови́нный** демонстрирует фиксацию этого слова в средневековых памятниках — в «Псковской первой летописи»: *А в началъ второсотнаго лѣта и како и откуда начашася сия злая быти, многая кровопролития и неповиннымъ человеком великимъ и малым горкия муки от цареи* (1611 г., ПОС, вып. 21, с. 188) и «Житии... преподобного отца нашего Никандра», памятнике XVI в.: *Клоснии же старецъ помысли в себѣ, яко да убьет мя, а не вѣдая святаго поспѣшения, смиливъ себе старецъ: аще убьет мя неповинна, Богъ вѣсть* (1547 г., ПОС, вып. 21, с. 188). В то же время прилагательные **невино́вный** и **невиновáтый** 'не причастный к преступлению' в говорах не встречаются, не зафиксированы они и в исторических памятниках. В литературном языке, по данным НКРЯ, наиболее употребительным является **неви́нный** (**неви́нный** — 3137 документов, **непови́нный** — 471 документ), в говорах ему соответствует **непови́нный**.

Рассмотрим также ряд прилагательных без **не-** — со значением 'совершивший проступок, преступление': **ви́нный**: *Расстреливают и ви́нных и неви́нных*. (ПОС, вып. 4, с. 19), **вино́вный**: *Вы сами видити, што вино́вен*. (ПОС, вып. 4, с. 19), **виновáтен**: *Если он чем виновáтен и ево абвинили, гаварят: павинили ево*. (ПОС, вып. 4, с. 20), **виновáтый**: *Агá, виновáтый, так помáлкивай* (ПОС, вып. 4, с. 20); *Ево ни бранí, ён не виновáтее иё, анá тóжа винавáта*. (ПОС, вып. 4, с. 20), **виновáчий**: *Жэнька, ты винавáчий* (ПОС, вып. 4, с. 20). В исторических памятниках зафиксированы прилагательные **ви́нный**: *А 10-ти человекомъ головы отсѣкли и в ров вметаша, и винным и неповинным*. («Псковская третья летопись», 1609 г., ПОС, вып. 4, с. 19), и **виновáтый**: *Ты правой человѣкъ да я виноват* («Разговорник» Тённиса Фенне, 1607 г., ПОС, вып. 4, с. 20). *И правых виноватых творяше, и виноватых правых*. Введение к рассказу

о псковском взятии, 1510 г., ПОС, вып. 4, с. 20). В говорах наиболее частотное прилагательное **виновáтый**, а **вино́вный**, видимо, пришло в народную речь из литературного языка, где чаще употребляется в юридической сфере: *виновный в краже, преступлении* (БАС, т. 2, с. 577); *Подсудимый не признал себя виновным. Кони, Судебные речи* (МАС, т. 1, с. 176); по данным НКРЯ, **виновáтый** более частотно (316 документов), чем **вино́вный** (216 документов).

Похожее соотношение в ряду синонимичных и тождественных лексических единиц можно видеть на примере прилагательных со значением ‘относящийся к коню’. Ряд прилагательных, зафиксированных в псковских говорах, включает литературные единицы **кóнский** (ПОС, вып. 15, с. 175), **кóнный** (ПОС, вып. 15, с. 167) и диалектные **конёвый**: *конёвый навос* (ПОС, вып. 15, с. 151), **конёвин**: *конёвин хвост* (ПОС, вып. 15, с. 149), **конíнный**: *конíнный вóлос* (ПОС, вып. 15, с. 166), **коня́вий**: *коня́вья корзína* (ПОС, вып. 15, с. 188), **коня́чий**: *коня́чья кóжа* (ПОС, вып. 15, с. 188), **коня́ший**: *коня́шье мя́со* (ПОС, вып. 15, с. 189). В литературном языке наиболее употребительно **кóнский**, в говорах это слово также встречается, но оно гораздо менее употребительно, чем **конёвий** — последнее демонстрирует более разветвленную семантическую схему, разнообразную фразеологию, шире представлено в средневековых письменных источниках, имеет несколько фонетических вариантов. Надо сказать, что богатство устойчивых сочетаний с компонентом **конёвий** достигается за счет наименований растений — это во многом определяет употребительность прилагательного, поскольку все, что связано с лошадьми, сегодня утратило актуальность. Так, в говорах зафиксированы устойчивые сочетания **конёвий щавель** ‘конский щавель’ (ПОС, вып. 15, с. 151) и его синонимы: **конёвья кисли́ца**, **конёвий цвето́к**, **конёвый столб** (столбе́ц), **конёвья сячь**, а также названия других растений: **конёвьи хвосты** ‘полевой хвощ’, **конёвий глаз** ‘чертополох’ (там же). В исторических материалах видим иную фразеологию, более актуальную для XV–XVII вв.: **коновой тать** ‘кто крадет лошадей, конокрад’, **коновая рать** ‘конница’, **коновое валище** ‘место, укатанное лошадьми’ (ПОС, вып. 15, с. 152–153). Кроме того, корень **конь-** более продуктивен — хотя прилагательное **лошади́нный**

в говорах тоже употребляется, но ему трудно «конкретизировать» с **коневий** (меньше свободных употреблений, меньше фразеологии — всего два устойчивых сочетания **лошадиный врач** ‘ветеринар’ и **лошадиные стволы** ‘конский щавель’ (ПОС, вып. 17, с. 196).

В современных псковских говорах употребляются и демонстрируют активное словообразование лексемы, в литературном языке давно вышедшие из употребления. Так, прилагательное **неподобный** в словарях литературного языка имеет помету *устар.* (БАС, т. 12, с. 144, МАС, т. 2, с. 464), а в некоторых вообще не зафиксированы (Ожегов, БТС). является, например, прилагательное **неподобный**. С пометой *псковское* это слово зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля» и в «Дополнении к Опыту областного великорусского словаря», что свидетельствует о широком бытовании динного прилагательного в псковских говорах: **НЕПОДОБНЫЙ**, ая, ое. 1. Неправильный, не соответствующий норме. *Он взял и ят вѣпил, вѣт дѣ чавѣ даводѣят нипадѣбныи свѣдѣббы* (ПОС, вып. 21, с. 140). 2. Непристойный, неприличный, предосудительный. *Смех такой нипадѣбный*. (ПОС, вып. 21, с. 140). 3. Гадкий, худой, нехороший. (Доп., с. 142). 4. Не по вкусу. (Даль, вып. II, с. 528).

В источниках XIX в. зафиксированы также однокоренные слова: **неподобица** ‘что-н. непохожее’ (Доп., с. 142), ‘несуразное, несообразное ни с чем дело, невероятное’ (Даль, вып. II, с. 528), ‘вздор, чепуха’ (Даль, вып. II, с. 528), **неподоба** ‘нечно невероятное’ (Доп., с. 142), **неподобаться** ‘не понравиться’ (Доп., с. 142), а в современных говорах — характеризующее речевое поведение существительное **неподобность** ‘неприличное, скабрзное высказывание’: *Ой как она азарнавая, фсякии нипадѣбности гѣварѣт.*) (ПОС, вып. 21, с. 190). В исторических источниках прилагательное **неподобный** встречается в значении ‘непристойный, неприличный’ и также описывает речевое поведение: *Пришолъ, государь, я, холопъ твой, к вечерни къ Дмитрею Вселуньскому во Гдовѣ помолитися, а тотъ, государь, Офонасей тутъ въ церкви жѣ и учалъ меня, холопа твоего, лаяти и позорить всякую неподобною лаю. . .* (Писцовая книга, 1632 г., ПОС, вып. 21, с. 191); *Бысть-же отрокъ той молчаливъ и кротокъ никому жесто-*

ка словеси и неподобна не извъщеваше. («Повесть о явлении чудотворных икон. . .», XVII в., ПОС, вып. 21, с. 191). Прилагательное **неподобающий** в говорах не зафиксировано, но это единица другой системы — литературного языка — и словообразовательной связи между **неподобный** и **неподобающий** нет, поскольку **неподобный** без **не** не употребляется (хотя в Картотеке ПОС есть запись песни: *Вёрю дьявол вас смушидаёт не на падобные дела и любить царкву мядаёт мимо Бога и Христа* (КПОС), но это скорее результат метатезы — «на неподобные дела»).

Аналогичную тенденцию демонстрирует местоимение **некий** в значении ‘какой-то, точно не определенный’: очень употребительное в памятниках письменности и как будто бы характерное именно для письменной речи, оно все же встречается и в современных говорах: *Некии девушки тут ходят, пишут; Мы и ня видели, как птўшка не́ккая у сёни улятёла; Некии капёйки за лён палучáli* (ПОС, вып. 21, с. 130). Особенно характерен пример с инверсией *птўшка не́ккая* (ср.: *И в то время господь богъ в церкви прости жену нькую. . .* Псковская первая летопись, 1542 г., ПОС, вып. 21, с. 130). О том, что **некий** — живое явление говоров, свидетельствуют слова семантического тождества: **не́кий**, **не́какий** в том же значении: *Рядам не́кий станок вёртят. Был он не́кий неру́ский; У нас Прасинья знахаркай была: усё лёта травинки не́кии ды карёння збирála* (ПОС, вып. 21, с. 129). В современном литературном языке местоимение **некий** употребляется в том же значении, но его употребление осложнено прагматическим компонентом, поскольку содержит оценку объекта речи, причем это отрицательная оценка неопределенности там, где хотелось бы большей ясности: *Их вполне устраивает ситуация, когда в России некий не очень понятный им порядок* (НКРЯ); *В январе 1942 года за некий проступок был осуждён на два года заключения* (НКРЯ). В говорах никакой оценочности **некий** не несет, местоимение употребляется в том значении, которое дошло до наших дней с XVI в.

До сих пор шла речь об общерусских словах, бытующих в народной разговорной речи и входящих в литературный язык. Их употребительность как бы поддерживается связью с системой литератур-

ного языка, и это не дает им исчезнуть из говоров. Какова же судьба диалектных слов, зафиксированных памятниками Средневековья? Здесь можно наблюдать такую зависимость: чем более употребительно диалектное слово в современной речи, чем разветвленное его семантическая схема (в основном у глаголов) и богаче словообразовательное гнездо, чем больше фиксаций памятниками, тем выше вероятность его дальнейшей устойчивости, употребительности в говоре. Это слова, составляющие «ядро» диалекта, его наиболее устойчивую лексическую основу: **неті́на** ‘ботва’, **конопе́ль** ‘конопля’, **корнева́тка** ‘корзина, сплетенная из корней’, **зень** ‘земля’, **зоба́ться** ‘беспокоиться, хлопотать’ и ‘заботиться о ком-н.’, **йжно** ‘даже’, **ко́лько** ‘сколько’ и др.

Так, например, глагол **зы́кнуться** в значении ‘устремиться, броситься куда-то’ находим в средневековой «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»: *Стену же ту городовую егда и от тое стороны, от Великие реки по леду уже приступаху; яко гетманом их и рохмистом на конех заезжая, саблями — гайдуков секуще, к городу приступати понужая. Они же егда к городу зыкнутица, из города же их. . . яко мост по леду положиша* (XVI в., ПОС, вып. 13, с. 160; эта же цитата приведена в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: Слов. XI–XVII вв., т. 6, с. 72). В современных говорах существует словообразовательное гнездо с корнем **зык-**, включающее глаголы **зы́кать**, **зы́каться** ‘бегать, метаться, спасаясь в жару от укусов насекомых (о коровах)’ *Са скати́най де́лать не́цева, зы́кают, им жа́рка, машка́рье их куса́ет, ани́ бегу́т, е́та и есь зы́кать; Сляпни́ куса́ют ка́роф, вот яны́ и зы́каюцца, хвост крjúком и пабягу́т* (ПОС, вып. 13, с. 134), **зы́кнуть** ‘броситься бежать, спасаясь от жары и укусов насекомых’ *Карóву бу́дим пу́там пу́тать, но́ги ей, што́п ни зы́кала, а то бу́дут яё слипни́ куса́ть, яна́ как пады́ни хвост и зы́кни ф кусты́.* (там же, с. 135), существительные **зык**, **зы́канье** ‘беспокойное беганье, метание коров в жару от укусов оводов и других насекомых’ *Пабяжы́т тьялёнак ат сляпне́й, е́та называ́лись зыки́.* *Карóвы ат сляпне́й зы́кают, йих патóм не найдёш* (там же, с. 133), прилагательное **зыкливый** (там же, с. 135).

Автор средневековой повести «О Приходе Стефана Батория

на град Псков», видимо, сравнивая нападающих с коровами, бегущими от оводов, употребил глагол **зыкнуться** в переносном значении, — следовательно, и прямое значение глагола было ему известно (по внутренней форме глагол **зыкать**, очевидно, звукоподражательный: **зыкювка**, **зыкюха** ‘муха, больно кусающая скот’ (ПОС, вып. 13, с. 135).

Конечно, далеко не всегда лексика, зафиксированная в древних памятниках и описанная в исторической части ПОС, употребляется в современной народной речи. Если же слово, пусть и известное памятникам, мало употребляется в говорах, то, как правило, оно претерпевает определенную модификацию, изменение формы или значения. Так, наречие **изнёвести** ‘неожиданно, случайно, ненароком’: *Меня спужал изнёвести; Изнёвести навалился, ня знал, а навалился* (ПОС, вып. 13, с. 245). Это же наречие встречаем в «Псковской судной грамоте»: *А которой человекъ кому закладъ положитъ в чемъ грамоты или иное што в серебри, да изымаетъ своего исца изневести* (1462–1472 гг., ПОС, вып. 13, с. 245). Однако сегодня это дошедшее до наших дней с XV в. слово зафиксировано уже в составе устойчивого сочетания **с изнёвести** ‘на первый взгляд, сначала’: *С изнёвести явб и ни узнать* (ПОС, вып. 13, с. 245). А также с **изнавести**, когда ударение перемещается на первый слог и изменяется гласный в корне: *Рас фтёрнулся крющбк, ктб-та мне с изнавести выташил* (ПОС, вып. 13, с. 245). Непрозрачная для современного носителя говора внутренняя форма слова ведет к варьированию фонемного состава и употреблению — тавтологичному — с предлогом (хотя **изневести** предлога не требует, поскольку изначально являлось предложно-падежным сочетанием **из невести** буквально ‘по неведению’, где **невесть** ‘незнание, неведение’).

Сопоставляя лексику современных псковских говоров и лексику средневековых псковских памятников письменности, можно увидеть, что современная диалектная речь сохраняет слова глубокой древности, не зафиксированные никакими другими источниками и не известные литературному языку. Один из примеров — прилагательное **канфорный** (**канфёрный**, **канфарный**). В «Домашней книге псковитина посадского торгового человека Н. И. Ямского»

XVIII в. читаем: *Стаканъ золоченый, канфарный, 30 золот.* (до 1726 г., ПОС, вып. 13, с. 465). Значение слова определено как ‘украшенный насечками’. В современной части словарной статьи видим примеры из современной диалектной речи, где слово употреблено в другом значении ‘сделанный из хрусталя’: *Канфорный стакан, канфор чистый, светицца насквось; Канхорный стакан* (ПОС, вып. 13, с. 465). Кроме того, данное прилагательное употребляется и в значении ‘фарфоровый, сделанный из фарфора, обычно тонкого’: *Канфърная пасуда бѣлая, чѣшки, блютки, дарага пасуда бѣла; Бѣленькие канфѳорные чѣшки, фся наскрѳь светицца* (ПОС, вып. 13, с. 465). Поскольку внутренняя форма слова неясна говорящим, перед нами, по всей видимости, случай расширения значения: **канфорный** говорят не только о хрустальной посуде, но и о дорогой посуде вообще, в данном случае — фарфоровой. Играет свою роль и созвучие **канфѳорный** — **фарфѳоровый**, то есть не исключена контаминация (об этом говорит и смещение ударения). Есть в говорах и производное от данного прилагательного существительное **канфор** ‘хрусталь’: *Канфор чистый*. «Словарем русского языка XI–XVII вв.» зафиксированы слова **канфаренный, канфареный, канфарский** ‘украшенный пунктирными насечками’, **канфаренье** ‘вид чеканки или резьбы по металлу’, **канфарити** ‘украшать пунктирными насечками (о чеканке или резьбе по металлу)’ (Слов. XI–XVII вв., т. 7, с. 59). Сегодня слова с корнем **канфар-** составляют специальную терминологию чеканщиков и граверов (например: «*Декор серебрянного основания состоит из двух фигурных ручек, в верхней части украшенных двумя скульптурными женскими полуфигурами. . . с чеканным орнаментом стилизованным, растительным с завитками на канфаренном фоне*» (из экспертного заключения ювелира, интернет-форум, 2013); «*Чекан с концом в виде острого шила называется канфарником. В древности техника канфарения была известна под названием «торевтика».* **Канфарником** наносят на поверхность металла рисунок, им же «**канфарят**» фон орнамента, изображения или надписи, т. е. делают поверхность матовой, зернистой. На **канфаренном** фоне четко вы-

деляются чеканные блестящие узоры»⁷). Зафиксированы слова с этим корнем и некоторыми региональными словарями: **канфáрник икон**. ‘чекан, имеющий острый торец несколько толще, чем острие иглы. Употребляется для создания на позолоте изображений мелкими точками’ (Литвинов 2010).

Очевидно, в период расцвета ремесел слова с корнем **канфар-**, описывающие технику гравирования, широко бытовали в живой речи древних псковичей (поскольку были зафиксированы региональными памятниками), однако в письменной речи эти слова «не прижились» и не вошли в литературный язык, — а в говорах употребляются и сегодня, хотя и в другом значении. Это достаточно редкий пример того, как говоры сохраняют древнее слово (причем заимствованное), и сохраняют именно потому, что его значение не утрачивает своей актуальности и обозначаемая им реалья существует и сегодня.

Итак, чтобы диалектное слово сохраняло устойчивость, «нужно», чтобы оно было известно на исторической территории распространения псковских говоров и актуально для народной речи. Чтобы слово имело будущее, ему необходимо не только «богатое прошлое», но и системная «поддержка» литературного языка, т. е. чтобы оно было соотносимо со словом литературного языка, но при этом не вступало в конфликт с престижным способом выражения. Ведь если слово «не похоже» на литературное, то возникает жесткая оппозиция, выражаемая диалектоносителями формулой «*по-нашему (по-деревенскому и т. д.) так-то, а по-городскому (по-культурному, по-настоящему и т. д.) так-то*» (Кружэва назывáлись карúнкам, такúе языкú **сукóнные бýли**; И асúнина и берёзина есть, вéкша есть, **па-настáяшшему бéлка**; Раньшы старикú **сёрыи** бýли, ни пахáли, а арáли; Крыльцо назывáют фсё бóльшы верáнда — нарбт-тъ **культúрней** стал; Жýто по-деревéнски, а ячмéнь **по-грáмотному** (КПОС)), и диалектный член этой оппозиции маркируется народным языковым сознанием отрицательно. Кроме того, устойчивой употребительности слова способствует и его прозрачная внутренняя форма.

⁷ Федотов Г. Я. Чеканка, басма, насечка. М.: Знание, 1989.

СОКРАЩЕНИЯ

БАС — Большой академический словарь русского языка /Под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда и др. Тт. 1–21. М.; СПб.: Наука, 2004–2012. (издание продолжающееся)

БТС — Большой толковый словарь русского языка /Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

БЭС — Большой энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 1997.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I–IV.

Доп. — Дополнение к Опыту Областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Литвинов 2010 — *Литвинов М. И.* Словарь профессиональной лексики ремесел, промыслов и кустарных производств Шуйского региона. Шуя, 2010. [<http://sspu.ru/projects/litvinov/index.html>], Дата доступа 15.12.2013.

МАС — Словарь русского языка /Под ред. А. П. Евгеньевой. Тт. I–IV, 1982–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/>].

Ожегов — Словарь русского языка /Под ред. С. И. Ожегова. М., 1989.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–24. Л.; СПб., 1967–2013 (издание продолжающееся).

Слов. XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29, М.: Наука, 1975–2011 (издание продолжающееся)